

С. П. Сорокин

Бинарность Фандорина, или пересечение восточной и западной традиций в контексте «фандоринского цикла» Б. Акунина

Статья посвящена анализу характера и мировосприятия главного акунинского героя «фандоринского цикла» Эраста Фандорина. В одном интервью Акунин отметил, что его герой состоит из трех «компонентов» – японского самурая, британского джентльмена и русского интеллигента. В статье предпринимаются попытки рассмотреть это шире. Главный герой – это интеграция (или переплетение) двух культурно-исторических традиций: западной (европейской) и восточной, в орбиту которых как раз и вовлечены акунинские компоненты. Образ Фандорина в связи с этим – это демонстрация проблемы Восток-Запад: существование в человеке диаметрально противоположных полюсных начал. Для читателя же это формирование определенных культурно-исторических ассоциаций, или архетипов – тема джентльмена, денди и т. д.

Ключевые слова: традиция, культурно-исторические архетипы, литературный проект, джентльмен, денди, постмодернизм, массовая литература, элитарная литература, андрогинность, бренд, конструкт, писатель-беллетрист.

S. P. Sorokin

Fandorin's Binariness or Crossing of the Eastern and Western Traditions in the Context of "the Fandorin Cycle" by B. Akunin

The article is devoted to the analysis of the main Akunin's hero Erast Fandorin, his character (frame of mind) and perception of the world. As it is said by Boris Akunin, his hero consists of three components: Russian intelligent, British gentleman and Japanese samurai. The article is aimed to look at this problem in detail. The main hero of the Fandorin cycle is the result of integration of two cultural-historical traditions – western (european) and eastern (oriental) that hold all these components noticed in the interview. Fandorin, providing that, is a display of a well-known problem "East – West", existing of two diametrically opposed sources in a man's world perception. As for the reader it is the formation of definite cultural and historical images (associations) or archetypes – gentleman, dandy and so on.

Keywords: tradition, cultural and historical archetypes, literary project, gentlemen, dandy, postmodernism, mass literature, elite literature, androgyny, brand, construct, a fiction writer.

Борис Акунин никогда не скрывал, что хотел создать «национального героя». По его словам, за 200 лет в русской литературе так и не появилось персонажа, «на которого хотели бы походить мальчики и в которого влюблялись бы девочки». Например, в князе Мышкине «при всех его чудесных душевных качествах отсутствует мужское начало, а национальному герою без этого никак нельзя». В Печорине есть что-то «неприятное». Андрей Болконский, «возможно, был героем для гимназистов и гимназисток, но теперь вряд ли...» [8, с. 42]. Писатель удачно вычислил персонажа, который должен явиться публике, взял черты, которых до сих пор недоставало, и собрал из них Фандорина.

В одном интервью Акунин отмечает: «...мне интересно было столкнуться в романах российскую и японскую ментальность, потому что в них есть черты поразительного сходства и несходства. И на стыке происходят всякие занятные – иногда

комические, иногда трагические – вещи, мне хотелось бы это обыграть...» [9, с. 61] и добавляет при этом, что его персонаж состоит из трех «компонентов»: русский интеллигент, британский джентльмен и японский самурай [8, с. 42]

Именно Фандорин является носителем нравственных оснований в романах. Он имеет свои принципы, свои моральные установки. Ему свойственна абсолютная неизменяемость лица при любых обстоятельствах, это его внутренняя, родовая черта, усиленная со временем воспитанием и самовоспитанием. Это совершенно особый герой, и «особость» его в следующем: в образе Фандорина, в его характере, в его поведении удивительным образом переплелись три культурные традиции: русская, английская (шире – европейская, западная) и японская (шире – восточная).

Думается, перед нами как раз воплощение одной из важнейших проблем творчества анализи-

руемого автора. Для Акунина очень важны три страны: Россия, Япония и Англия – традиции этих стран и их взаимоотношения. Если несколько обобщить, то получим известную схему: Россия между Востоком и Западом. Амбивалентность, двойственность – вот главное свойство, которое ценит Чхартишвили-Акунин в литературе (постмодернизм – стык между элитарной и массовой культурами). Сам же автор в таком случае становится медиатором, подвергая западный романтизм строгой проверке философией Востока. Но и наоборот: философия Востока в его творчестве вынуждена считаться с западной тщательностью и занудливой продуманностью.

В обширном списке литературных источников знаменитого «проекта» («фандоринский цикл»), как правило, значатся Конан-Дойл, Честертон и Агата Кристи. Некоторые добавляют к этому ряду Стивенсона, потому что без Конана-Дойла и Честертон не было бы в романах Акунина детективной интриги, без Стивенсона – поисков кладов и «клуба самоубийц», без Агаты Кристи – самого принципа размещения атрибутов приключенческой беллетристики. Сам Чхартишвили заметил в одном из интервью: «Я знаю, кого бы я хотел считать своими предшественниками, но не уверен, что они согласились бы признать меня своим последователем. В детективной литературе – это Конан-Дойл и Стивенсон...» [8, с. 42]. Кроме того, в бытность свою заместителем главного редактора журнала «Иностранная литература» создатель Фандорина наряду с японскими и американскими авторами переводил и публиковал английских. Литературные пристрастия и профессиональные интересы Г. Ш. Чхартишвили никогда не ограничивались Англией. Например, Григорий Циплаков обнаружил в «фандоринской серии» корни древнекитайской философии [9, с. 166].

Эраст Фандорин – потомок выходца из Голландии Корнелиуса фон Дорна – всем европейским языкам предпочитает английский, в самых напряженных ситуациях сохраняет английскую невозмутимость, имеет внешность джентльмена, в манере одеваться и образе жизни сочетает приметы восточного аскетизма с лондонским дендизмом, все эти «шерлок-холмсовские» черты вкупе со знаменитым методом дедукции играют заметную роль в построении образа Фандорина.

В самом деле, вместе с английской классикой в массовое российское сознание вошли такие понятия, как «чисто английская сдержанность», «честная игра» (верность служебному долгу, дол-

гу гражданина, законопослушность), чувство собственного достоинства, свобода и независимость личности. Ощущение упорядоченности возникает тогда, когда есть пример хладнокровного поведения в стрессовых ситуациях, честного отношения к делу и к людям, пример истинного, непоказного патриотизма. Таким примером является Эраст Фандорин. Его «англизированной» выполняет весьма важную функцию. Она соотносена с центральной составляющей английской «концептосферы» – понятием о джентльмене как человеке цивилизованном, умеющем вести себя спокойно, сдержанно, уважительно.

Акунин активно использовал этот код и раньше, отбирая те самые доминанты английской концептосферы, в которых массовый российский читатель испытывает наибольшую потребность. Например, в романе «Коронация» (2000) акцентирована идея privacy, особенно привлекательная для россиянина постсоветской эпохи. Позиция «Live your own life», высказанная Фрейби – одним из персонажей Акунина, принципиальна для самого писателя.

Генезис этой темы в акунинском повествовательном пространстве характеризуется бинарностью. Японист Чхартишвили ведет двойную игру, предлагая читателю выбрать наиболее приемлемый для него культурный код: западный или восточный. Как остроумно заметил Г. Циплаков, если набрать имя Фрейби на компьютерной клавиатуре в русском регистре, но латиницей, то получится хорошо знакомое «АКУНИН», что по-японски значит «нехороший человек». Добавим к этому, что в фамилии невозмутимого англичанина Фрейби можно услышать инверсию английского: «be free» – «быть свободным» [9, с. 159].

Но есть одна черта, которая особо акцентирована в образе Фандорина. Он «русский европеец» не только по происхождению от немца фон Дорна, приехавшего на службу в Россию в эпоху Алексея Михайловича, как некогда приехали в Россию предки Фонвизина и Лермонтова. «Русский европеизм» Фандорина вписан автором в литературную традицию изображения этого столь характерного для описываемой исторической эпохи явления. Писатель наделяет своего героя такими «знаковыми» элементами, как дендизм, склонность к путешествиям, романтическая внешность, загадочность поведения. Благодаря подобному литературному приему образ Фандорина соотносится с такими фигурами русской общественно-культурной действительности, как А. С. Грибоедов (герой служил и по диплома-

тической части), И. Гончаров (морское путешествие Фандорина в Японию). Модернизируя традицию изображения «русского европейца», восходящую к романтизму, Акунин вводит один элемент, который косвенно связан с традиционным русским денди и типологически сопрягает его героя с П. Я. Чаадаевым: в Фандорине восточное и западное начала находятся в гармоничном единстве. Существовая в пределах одной натуры, они превращают героя в исключительную личность, стоящую на порядок выше всех, кто его окружает.

Автор словно стремится донести до сознания читателя мысль о том, что истинно русский характер – это некое единство полюсных начал в национальной картине мира. Такая особенность, в свою очередь, позволяет натуре стать более масштабной, способной к постижению других культур без навязывания собственной. Этим, по мысли автора, обогащается традиция русского культурного европеизма, носителем которого и является в цикле романов Акунина Фандорин.

Столкновение и слияние этих двух культур происходит в образе главного героя, русского по происхождению. Итак, перед нами две традиции: западная, английская – джентльменство; и восточная, японская – самурайская традиция – похожие и одновременно непохожие. Они переплетаются с русским патриотизмом, но не фанатичным, а разумным, так как здесь есть сдержанность, некоторая холодность, отстраненность, привнесенная как раз из культуры Востока. Эта традиция присутствия, но невмешательства особенно ярко проявляется в романе «Статский советник». Приведем два примера: «Бурляев перед нажимом не спасовал: <...> – Хотите присутствовать при задержании – извольте, но только не мешайте. Желаете отойти в сторонку – воля ваша... Эраст Петрович помолчал. Сдвинул брови, глаза грозно блеснули, но гром с молнией так и не грянули. После паузы статский советник сухо сказал: – Хорошо. Мешать не стану, но присутствовать буду» [4, с. 118]. И несколько измененная, но та же стратегия героя проявляется в его разговоре с обер-полицмейстером Глебом Пожарским в финале романа. Разоблаченный Пожарский предлагает Фандорину три варианта дальнейших действий: «– Выбирай, Эраст: или играешь со мной, по моим правилам, или выставляешь себя дураком. Впрочем, есть и третий путь, который, возможно, подходит тебе более всего. Промолчи и тихо уйди в отставку. По крайней мере, сохранишь достоинство, которое тебе так дорого. Так

что ты выбираешь? Играешь, дуришь или молчишь? С этими словами обер-полицмейстер направился к двери. Фандорин дернулся, открыл было рот остановить его, но вместо окрика с его уст сорвались тихие, едва слышные слова: – Зло злом искореняя...» [8, с. 203].

Только вот молчать Фандорин будет не потому, что его об этом просит Пожарский, а потому (как совершенно справедливо замечает обер-полицмейстер), что это действительно путь, который подходит ему более всего. Перед нами герой-наблюдатель, который уверен, что зло будет наказано и без него, оно поглотит само себя. Подобная отстраненность от всего, идея недеяния иногда даже вызывает недовольство у некоторых читателей и критиков, это обусловлено еще и тем, что в первых трех книгах Фандорин предстает несколько иным.

Изменения в характере героя начинают происходить в финале первого романа. Это, так сказать, первая ступень эволюции фандоринского характера. После этого у Фандорина появляется безразличие к собственной жизни («Турецкий гамбит»), а также, как уже упоминалось, отрицание любви.

К концу «Азазеля» у Эраста Петровича белые виски. В «Турецком Гамбите» главным оппонентом Фандорина является Анвар-эфенди, тот, что слегка промелькнул в деле «Азазеля». В повести «Пиковый валет» тема карт связывается у героя с тем моментом, когда он впервые сел играть с Зуровым, а потом чуть не был убит, вытянув на спор из колоды именно пикового валета: «Я... карт терпеть не могу, а п-пикового валета в особенности. У меня с ним связаны весьма неприятные воспоминания» [2, с. 97]. В той же повести Фандорин с «невеселой улыбкой» просит своего помощника Анисия Тюльпанова называть его «шеф», как он сам когда-то называл Бриллинга. От Бриллинга же у Фандорина осталась привычка все свои соображения нумеровать и словно раскладывать по полочкам: это раз, это два, это три. А в романе «Смерть Ахиллеса» наемный убийца Ахимас оказывается тем белоглазым, который убил Николая Ахтырцева и пытался убить Фандорина: «то самое лицо, которое столько лет снилось Эрасту Петровичу по ночам. Не может быть! Опять кошмар! Поскорее проснуться!» [3, с. 203]. И Фандорин вздрагивает, если ему напоминают о том времени, когда он был молод, влюблен и счастлив.

После пребывания в Японии («Алмазная колесница») Фандорин сильно меняет свое миро-

воззрение, становится таким, каким мы его видим в «Смерти Ахиллеса» и следующих романах. Помимо различных специфических особенностей, вынесенных героем из японской культуры, он устанавливает для себя определенный тип поведения, о чем мы уже говорили выше: это идея недеяния, невмешательства, отстраненности, а также такого поведения, которое продиктовано внутренним миром, а не внешними обстоятельствами. Это и есть, по Акунину, истинный патриотизм, о чем он и заявляет устами российского консула в Японии Доронина: « – Знаете, что такое настоящий патриотизм? – Поднял палец и изрек. – Действовать на благо Родины, даже если при этом идешь против воли начальства. Титулярный советник обдумал эту рискованную максиму. Кивнул, соглашаясь: – Спасибо за афоризм, я чувствую, что он мне в жизни еще не раз пригодится. Буду действовать, как настоящий патриот, то есть без санкции начальства, по собственному разумению. Если что, сам за все и отвечаю» [3, с. 126]. В дальнейшем Фандорин придерживается этого правила, за что и попадает в опалу, уезжает из столицы и вынужден скрываться под разными именами.

Конфуций «предложил новый тип личности – цзюньцзы, “благородного мужа” <...> и продемонстрировал иную ипостась сочетания старости и молодости. Цзюньцзы – это не древний совершенномудрый дед с молодым задором в душе, но, наоборот, наивный юноша, неожиданно открывающий для себя седую мудрость веков. Юноша с седыми висками». Фандорин в «Любовнице смерти» прямо говорит Маше Мироновой: «Я не всегда был таким, мадемуазель Колумбина. В юности я приходил в волнение из-за любой ерунды. Однако судьба испытывала мою чувствительность так часто и жестоко, что теперь пронять меня чем-либо трудно» [1, с. 94]. К тому же Конфуций говорит: «У сдержанного человека меньше промахов» [7, с. 101]. Однако, подобная сдержанность – достоинство не только последователей восточной философии, но и английских джентльменов: «Настоящих леди и настоящих джентльменов сконфузить невозможно, потому что они не утрачивают чувства собственного достоинства никогда и ни при каких обстоятельствах, и даже смерть не оправдание для *inappropriate behavior*» [5, с. 112]. В фандоринском образе мы видим также еще одно воплощение учения Конфуция: человек должен обладать чувством долга, продиктованным внутренней убежденностью в том, что следует поступать так,

а не иначе. Долг – это моральное обязательство, которое гуманный человек накладывает на себя сам и которое, как правило, обусловлено знанием и высшими принципами, но не расчетом. Эти черты, действительно, присущи Эрасту Фандорину в романах, начиная со «Смерти Ахиллеса». Причем перед нами именно выражение внутренней цельности и благородства, а не «внешнее оформление благопристойности» [3, с. 87].

Удивительно, что пути невмешательства, недеяния, отстранения, сдержанности следует главный герой романов, написанных в жанре детектива. Сыщик-наблюдатель – довольно абсурдное сочетание, но Фандорин именно таков. Кроме того, он еще и, так сказать, «сыщик поневоле», поскольку обычно в акунинских романах не герой ищет приключений, а они находят его. Исключением из этого правила является, разве что, «Азазель» (но здесь все можно списать на юность, неопытность, горячность героя в первом романе) и действие, разворачивающееся до основных событий в «Коронации» (погоня за доктором Линдом).

Как уже говорилось выше, сыщик в классической детективной литературе неизменен, статичен, Фандорин в этом смысле уникален, он ближе к героям русской литературы XIX в., развивающимся под влиянием различных обстоятельств. Цикличность, действительно, присуща детективу, но создание цикла, в котором изображается эволюция главного героя на фоне сцен повседневной жизни разных слоев общества, – это достояние вовсе не детектива, а романного цикла со сквозным персонажем.

Перед нами игра с читательским ожиданием. По мнению Х. Р. Яусса, идеальный случай способности к объективизации представляют собой произведения, которые сначала вызывают в читателе определенный горизонт ожидания, проникнутый представлениями о давно знакомых формах, жанрах и правилах чтения и понимания, а затем шаг за шагом разрушают сложившийся у читателя горизонт ожидания – с тем, однако, чтобы вызвать не критическую реакцию последнего, а глубоко поэтическое чувство, рождающееся из встречи с подлинно новым [6, с. 7].

Борис Акунин – коммерческий проект, в него вкладываются деньги, которые он должен отрабатывать (*отбить*, как говорят менеджеры). Отсюда следует, что проект должен быть нацелен на популярность и быстро растущую прибыль. Как профессионал, Акунин владеет необходимыми секретами успеха, отчасти в этом ему помогают

крупнейшие российские издательства с их мощной пиар- и брендинговой политикой. Как филолог, Акунин прекрасно знаком с русской и зарубежной культурой (не забываем об опыте переводческой деятельности) и знает, как тот или иной культурный (творческий) продукт сделать занимательным и востребованным у широкой читательской аудитории. Одним из слагаемых акунинского успеха является правильно подобранный персонаж. Акунин не только удачно вычислил эпоху, в которую поместил своего главного героя, но и «просчитал», что у русского читателя будет связано с этой эпохой – иначе говоря, систему культурно-исторических архетипов массового сознания. Применительно к анализу главного героя фандоринского цикла XIX в. – это время существования таких культурных конструкторов, как денди, джентльмен, тема лишнего человека. У каждого человека в системе культурно-исторических ожиданий (ассоциаций) будет формироваться свой ряд. Каждая традиция (запад-восток) в контексте XIX в. обуславливает тот или иной культурно-исторический тип: английская – это тема джентльмена, денди; японская (восточная) – тема надежды, мотив предопределенности, идея благородного мужа и т. д.; русская – тема русского интеллигента, лишнего человека (романтическая традиция). Все эти мотивы легко идентифицируются читателем (широкой аудиторией, массой), что так на руку писателю-беллетристу.

Удовольствие от текстов Бориса Акунина связано с эффектом знакомости. Автор создает свои произведения из прецедентных текстов, хорошо известных читателю (например, русская классика), следуя этой логике, можно сказать, что и героя своего он тоже создает из «знаковых», легко считываемых персонажей, архетипов, культурно-исторических типов, которые не нарушают интеллектуальный комфорт читающего. Читатель получает удовольствие от текста (вспомним *удовольствия от текста* Ролана Барта), видя хорошо знакомые архетипические образы денди, джентльмена и т. п. Если идти шире, любой думающий человек думает не только о себе, о других людях, но и о том, где он живет, о месте пересечения Востока и Запада, которым и оказывается творчество Бориса Акунина и сам герой.

Библиографический список

1. Акунин, Борис. Любовьница смерти : Роман [Текст] / Борис Акунин. – М. : Захаров, 2003. – 245 с.
2. Акунин, Борис. Особые поручения: две повести о приключениях Эраста Фандорина: Пиковый валет; Декоратор [Текст] / Б. Акунин. – М. : Захаров, 2003. – 318 с.
3. Акунин, Борис. Смерть Ахиллеса [Текст] : Роман / Б. Акунин. – М. : Захаров, 2000. – 312 с.
4. Акунин, Борис. Статский советник [Текст] : Роман / Б. Акунин. – М. : Захаров, 1999. – 284 с.
5. Гид по стилю для джентльменов, денди и деловых людей [Текст] / авт.-сост. Робер Атлас. – Ростов н/Д : Феникс : Априори, 2009. – 158 с.
6. Колесников, Александр. Игра в детектив [Текст] / А. Колесников // Версты. – 2002. – 16 марта. – С. 7.
7. Конфуций. Беседы и суждения [Текст] / [пер. с кит. : П. С. Попов]. – СПб. : Азбука-классика, 2004. – 216 с.
8. Кузьменко Елена. Писатель № 065779 [Текст] // Огонек. – 1999. – 16 марта. – С. 42–43.
9. Рубинштейн Лев. Человек проекта [Текст] // Итоги. – 2000. – № 3. – С. 61.
10. Циплаков, Г. Зло, возникающее в дороге, и дао Эраста Фандорина : О цикле романов Б. Акунина [Текст] / Георгий Циплаков // Новый мир. – 2001. – № 11. – С. 159–181.